

РѢЧЬ СВ. ПЕРВОМУЧЕНИКА СТЕФАНА.

(Ея общій характеръ, задача и содержаніе).

Рѣчь христіанскаго первомученика, Дѣян. VII, 2—53, представляет собою памятникъ, во многихъ отношеніяхъ достойный особо-внимательнаго изученія. Интересъ къ изученію этой рѣчи опредѣляется, прежде всего, конечно, впечатлѣніемъ, какое производитъ на насъ личность первомученика. Дѣписатель изображаетъ намъ св. Стефана, какъ чловѣка, въ изобиліи надѣленнаго естественными и сверхъ-естественными дарами. Это былъ мужъ, полный Духа Святаго, благодати, вѣры, силы и мудрости (Дѣян. VI, 3. 5. 8. 10). Среди первоувѣрующихъ онъ пользовался весьма высокимъ авторитетомъ и въ качествѣ перваго изъ „семи“ (діаконовъ) занималъ второе послѣ Апостоловъ („двѣнадцати“—ст. 2) положеніе въ христіанской первообщинѣ. Какъ ближайшій сотрудникъ Апостоловъ, св. Стефанъ проявилъ весьма плодотворную для юной церкви Христовой дѣятельность. Его подкрѣпляемая „великими чудесами и знаменіями“ (ст. 8) проповѣдь о Христѣ сопровождалась большимъ успѣхомъ,— настолько большимъ, что всеобщее вниманіе Іерусалима на время было отвлечено отъ Апостоловъ, чтобы сосредоточиться на Стефанѣ. Враги Евангелія рѣшили вступить въ борьбу съ новымъ проповѣдникомъ ненавистнаго имъ ученія. Борьба состояла въ публичныхъ богословскихъ спорахъ, какіе завели со св. Стефаномъ образованные еллинисты Іерусалима. Противники св. Стефана были представителями всѣхъ главныхъ типовъ еллинистическаго іудейства. Здѣсь были іудей,

на которыхъ отразилось вліяніе александрійской философіи (александрійцы и киринейцы), затѣмъ—іудей, возросшіе подъ вліяніемъ греческой образованности (киликійцы и азійцы), и, наконецъ, іудей, испытавшіе на себѣ вліяніе римской культуры (либертинцы,—ст. 9). Въ извѣстномъ смыслѣ противниковъ св. Стефана можно назвать представителями всей человѣческой мудрости, усвоившими труды творческаго гения и іудеевъ, и римлянъ, и грековъ, и египтянъ. Они были типами, смѣшанными изъ всѣхъ культурныхъ типовъ древняго, до-христіанскаго міра. Противъ св. Стефана было, такимъ образомъ, направлено все, что могла дать іудейству для борьбы съ христіанствомъ своя и чужая образованность. Тѣмъ не менѣе, противники его остались посрамленными: „они не могли противостоять мудрости и Духу, которымъ онъ говорилъ“ (ст. 10). Такъ онъ полонъ былъ той и Другого! Но особенно сильное впечатлѣніе производитъ конецъ, какимъ этотъ первый изъ не-апостоловъ, призванный къ апостольскому служенію, увѣнчалъ свою славную жизнь. Св. Стефану принадлежитъ честь, по выраженію одного св. отца, „учителя страданій за Христа“ и „изобрѣтателя добродѣтели“ умирать за Него ¹⁾. „Достославенъ, конечно,—скажемъ словами того же св. отца,—всякій воинствующій за добродѣтель, если и вторымъ или третьимъ будетъ онъ послѣ подвизавшихся ранѣе его; однакожъ, онъ недостоинъ такого удивленія, какъ первый. Второй, соревнованіемъ къ предшественнику своему возбуждаемый къ подражанію, такимъ образомъ уже послѣ привлекается къ дѣятельности. Первый же, не имѣя никакого руководителя, но будучи изобрѣтателемъ добродѣтели, справедливо удостоивается чести первенства“ ²⁾. Примѣчательны обстоятельства кончины св. Стефана. Стоя посреди разъяренныхъ враговъ, онъ въ синадріонѣ произноситъ грозно-обличительную рѣчь и смѣло бросаетъ своимъ слушателямъ упрекъ въ богоборствѣ и въ убіеніи Христа. Лицо его при этомъ сіяло, „какъ бы лицо ангела“ (ст. 15), а послѣ произнесенія рѣчи онъ удостоился небеснаго видѣнія: въ отверстыхъ небесахъ очамъ его представи-

¹⁾ Св. Астерія амасійскаго похв. слово въ день св. первом. Стефана. перев. М. Д. Муретова, *Богосл. Вѣст.*, 1894, Янв., стр. 2 и 4.

²⁾ Тамъ-же, стр. 4.

лась слава Божія и Сынъ Человѣческій, стоящій одесную Бога (VII, 55—56). Побиваемый камнями, онъ, „преклонивъ колѣна, воскликнулъ громкимъ голосомъ: Господи, не оставь имъ грѣха этого, и, сказавши это, почилъ“ (ст. 60). Послѣднимъ словомъ первомученика была молитва за убійць! Само собою разумѣется, что, какъ произведеніе такого выдающагося мужа первыхъ дней христіанства, и притомъ первомученика, подлежащая нашему изслѣдованію рѣчь представляетъ собою весьма интереснѣйшій для изученія документъ. На этой рѣчи, очевидно, лежитъ печать „мудрости и Духа, которымъ онъ говорилъ“ (VI, 10). Кромѣ того, какъ памятникъ благовѣстія св. Стефана, его рѣчь должна уяснить намъ своеобразный характеръ этого благовѣстія, что весьма важно для богословской науки.

Къ изученію рѣчи св. Стефана богословскую мысль побуждаетъ и то большое значеніе, какое эта рѣчь имѣла для юной церкви Христовой. До выступленія св. Стефана на благовѣстническое поприще отношенія невѣрующаго іудейства къ послѣдователямъ Иисуса Христа характеризуются слѣдующимъ образомъ. Простой народъ относился къ Апостоламъ и вѣрующимъ весьма расположено. Чудеса и знаменія Апостоловъ возбуждали въ немъ страхъ (Дѣян. II, 43), ужасъ и изумленіе (III, 10), а высоконравственная жизнь вѣрующихъ и чудесныя благодѣянія ихъ невѣрующимъ вызывали въ народѣ любовь къ ученикамъ Христа (III, 47) и заставляли его прославлять Бога и Апостоловъ (IV, 21; V, 13). Насколько народъ былъ расположенъ къ послѣднимъ, показываетъ то обстоятельство, что, когда ихъ нужно было привести въ синедріонъ, „начальникъ стражи съ служителями привелъ ихъ безъ принужденія, потому что боялись народа, чтобы не быть побитыми камнями“ (*ἔφοβοῦντο γὰρ τὸν λαόν, μή λιθοβολῶσιν*) (V, 26). Фарисеи не раздѣляли чувствъ простаго народа, но употребляли какія-нибудь мѣры внѣшняго насилія по отношенію къ Апостоламъ или къ увѣровавшимъ во Христа не были склонны и даже были противъ такихъ мѣръ (V, 34—39). Они надѣялись, что „это предпріятіе“, т. е. дѣло христіанства, „разрушится“ само собою (V, 38). Совсѣмъ иначе относились къ „этому предпріятію“ „Анна первосвященникъ, и Каиафа, и Іоаннъ, и Александръ, и прочіе изъ рода первосвященническаго“ (IV, 1),

„священники и начальники стражи при храмѣ“ (IV, 1), т. е. священническая саддукейская (V, 17) аристократія. Въ этой аристократіи проповѣдь Апостоловъ возбуждаетъ „зависть“ (V, 17) и досаду „на то, что они учатъ народъ“ (IV, 2). Саддукеи сажаютъ Апостоловъ въ темницу (IV, 3), убѣждаютъ ихъ прекратить проповѣдь (IV, 7. 17—18), бьютъ ихъ (V, 40) и даже горятъ желаніемъ „умертвить“ ихъ (V, 33), въ чемъ, однако, ихъ сдерживаютъ фарисеи съ Гамалииломъ во главѣ (V, 34—39) и страхъ предъ народомъ (IV, 21). Такимъ образомъ, тогда какъ простой народъ былъ очень расположенъ къ вѣрующимъ, фарисеи и саддукеи находились въ выжидательномъ состояніи,—первые ждали, что „это предпріятіе“ окончится само собою, а вторые искали случая окончить его мѣрами внѣшняго насилія. Проповѣдь св. Стефана и дала священнической аристократіи случай круто перемѣнить настроеніе народа и фарисеевъ по отношенію къ послѣдователямъ Распятаго. Тѣ же еллинисты, которые вели богословскую борьбу со Стефаномъ и которые, несомнѣнно, были сторонниками саддукеевъ, стали распространять въ Иерусалимѣ неблагопріятную для Стефана молву. Подученныя ими лица разносили по городу слухъ, что онъ произноситъ „рѣчи хулы на Моисея и на Бога“ (VI, 11). Подъ вліяніемъ этой молвы, проповѣдникъ былъ внезапно схваченъ и представленъ въ синедріонъ, гдѣ его обвинили въ ужаснѣйшемъ для іудея преступленіи,—въ хулѣ на храмъ и на законъ (VI, 13—14). И вотъ, рѣчь св. Стефана предъ синедріономъ, въ которой онъ изложилъ сущность своей проповѣди, заставила фарисеевъ, эту соль законническаго іудейства, открыто стать на сторону саддукеевъ. Изъ поведенія фарисеевъ и особенно Савла (VII, 58. 60; VIII, 3; IX, 1—2) видно, что они убѣдились въ необходимости стереть христіанъ съ лица земли. Убѣдила же ихъ въ этомъ именно рѣчь св. Стефана. Въ ней, очевидно, заключается полное осужденіе законничества, отвергшаго Христа; она, очевидно, такъ больно затронула законническое самолюбіе невѣрующаго іудея, увѣреннаго въ своей праведности и безумно-смѣло призывающаго на себя и на своихъ дѣтей кровь Христа, что побуждаетъ его яростно броситься на послѣдователей Распятаго и ихъ кровію удовлетворить свое обиженное чувство въ убѣжденіи, что онъ тѣмъ „приноситъ службу Богу“ (Іоан. XVI, 2).

Дѣйствительно, содержаніе рѣчи, насколько оно непосредственно очевидно, убѣждаетъ въ мысли, что ея задачу составляетъ обстоятельное уясненіе вины невѣрующаго Израиля. Самая длинная изъ всѣхъ рѣчей, заключающихся не только въ кн. Дѣяній, но и въ Евангеліяхъ (если, конечно, какъ и должно, не считать рѣчами прощальную бесѣду Спасителя съ учениками и нагорную проповѣдь), рѣчь эта представляетъ собою обширное, доходящее иногда до деталей, обзорѣніе исторіи спасенія израильскаго народа, отъ Авраама до Христа. При этомъ, ораторъ беретъ не положительный моментъ этой исторіи, а отрицательный. Его вниманіе сосредоточено на отверженіи упорно непослушнаго вѣщанія св. Духа Израиля Богомъ. Въ Новомъ Завѣтѣ другого памятника, занимающагося обзорѣніемъ всей исторіи спасенія Израиля съ ея положительной или отрицательной стороны, нѣтъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи рѣчь св. Стефана достойна внимательнаго изученія.

Таковы данныя, опредѣляющія собою интересъ къ изученію рѣчи св. Стефана. Однако, этотъ интересъ до сихъ поръ не нашелъ еще своего полного удовлетворенія. Правда, въ истекающемъ столѣтіи рѣчь первоученика была однимъ изъ самыхъ излюбленныхъ у экзегетовъ и вообще богослововъ предметовъ изслѣдованія. Вопросъ о ней научно впервые былъ поставленъ въ 1829 г. извѣстнымъ богословомъ Бауромъ въ монографіи: *De orationis, habitae a Stephano, Act. c. VII. consilio*. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени появилось весьма не малое количество опытовъ истолкованія рѣчи. Последней посвящаются не только соответствующіе отдѣлы въ общихъ трудахъ по истолкованію книги Дѣяній и по изслѣдованію исторіи первыхъ дней христіанства, но и отдѣльныя монографіи. Но, всматриваясь въ многочисленные опыты истолкованія рѣчи, мы убѣждаемся, что ея по всей справедливости можно назвать *enigme* нашего столѣтія. Ея изслѣдователи никакъ не могутъ придти къ болѣе или менѣе согласнымъ выводамъ, какъ будто она написана іероглифами, ключъ отъ которыхъ безслѣдно утерянъ. Многочисленныя перетолкованія, какимъ она подвергалась и подвергается, только болѣе и болѣе затемняютъ вопросъ о ней. Ни одно изъ существующихъ толкованій рѣчи не оправдывается ни ею самою, ни вообще всѣмъ по-

вѣствованіемъ Дѣписателя о св. Стефанѣ и, поэтому, не отличается достаточною убѣдительностію. Задачу настоящей статьи и составляетъ уясненіе общаго характера и задачи рѣчи первомученика и раскрытіе ея содержанія, свободное отъ недостатковъ, какими до сихъ поръ страдало рѣшеніе проблемы о ней въ западной богословской наукѣ.

Изучаемая рѣчь, какъ и другія рѣчи книги Дѣяній, передана намъ св. Лукою не дословно. Если бы она была такъ произнесена, какъ мы ее сейчасъ имѣемъ предъ своими глазами, то произнесеніе ея продолжалось бы не болѣе десяти—пятнадцати минутъ. Срокъ—слишкомъ небольшой для такой обширной по содержанію рѣчи. Едва-ли нужно говорить, что механическая запись живой рѣчи, произнесенной при подобныхъ обстоятельствахъ, и совершенно немислима. Но никто не станетъ оспаривать, что и не дословно можно передать чужую рѣчь такъ, что слушатель или читатель ничего не потеряетъ оттого, что не слышалъ рѣчи изъ устъ самаго оратора. Имѣемъ-ли мы и въ данномъ случаѣ дѣло съ такого именно рода передачею? Такъ какъ самъ свящ. Дѣписатель не былъ очевидцемъ событій, герой которыхъ—св. Стефанъ, то, очевидно, для составленія своего повѣствованія о послѣднемъ онъ пользовался чьими-нибудь записками, гдѣ была описана кончина св. Стефана и приведена его рѣчь. Насколько достовѣрны были эти записки и насколько достовѣрно по нимъ передалъ державному Теофилу рѣчь св. Стефана Дѣписатель? Въ пользу положительнаго рѣшенія этого вопроса можно привести слѣдующія соображенія.

Записать по памяти рѣчь первомученика могли или христіане (тайные или явные), присутствовавшіе при процесѣ св. Стефана, или кто-нибудь изъ невѣрующихъ іудеевъ, доводами оратора убѣдившіяся въ истинности Евангелія и тутъ-же рѣшившіяся стать въ ряды послѣдователей Распятаго, или, наконецъ, юноша Савлъ, впоследствии—Апостольскій языковъ. Но можно-ли было удержатъ въ памяти такую обширную рѣчь, можно-ли было запомнить все ея содержаніе? При обсужденіи этого вопроса не надо забывать, что у (книжныхъ, конечно) іудеевъ въ тѣ времена, къ какому относится эпоха св. Стефана, память больше упражнялась, чѣмъ у насъ и въ наше время, и была, поэтому, гораздо

силыѣ нашей памяти. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что на необыкновенномъ развитіи этой способности и покоилась всецѣло эрудиція раввиновъ. „Кто, говоритъ прекрасный знатокъ раввинистической литературы Вюнше, хоть сколько-нибудь знакомъ съ духомъ тогдашняго времени, тотъ знаетъ, какую великую важность придавали раввины вѣрному и буквальному запоминанію и передачѣ слышаннаго отъ учителей. Содержаніе талмуда и мидрашей въ продолженіи столѣтій вѣрялось одной памяти, и, однако, достовѣрность (этого содержанія въ записанномъ его видѣ) вообще вполне несомнѣйна“ ¹⁾. Сами раввины того времени удивлялись необыкновенному объему своей памяти. Такъ, одинъ изъ нихъ (Еліезеръ—II в. по Р. Хр.) говоритъ о себѣ: „если бы всѣ моря были чернилами, всѣ тростники — тростями для письма, небо и земля—книжными свертками, а всѣ люди — писцами, то и тогда нельзя было бы записать всю тору (законъ), которой я наученъ“, т. е. которую я принять по устному преданію отъ своихъ учителей ²⁾. Несомнѣнно, что къ этому заявленію р. Еліезера, выраженному въ прекрасной поэтической формѣ, приложили бы руку и весьма многіе изъ его собратьевъ. А между тѣмъ то, что приходилось запоминать раввицу, было, по большей части, необыкновенно мелочно и скрупулезно, слѣдовательно — весьма трудно для запоминанія. Само собою понятно, что человѣкъ съ такъ сильно развитою и постоянно упражняемою памятью можетъ запомнить и обширную рѣчь, если она представляетъ для него какой-нибудь интересъ. Примѣняя сказанное къ занимающему насъ вопросу, мы должны признать, что запомнить существенное содержаніе рѣчи св. Стефана было вполне возможно, именно—для людей книжныхъ того времени. И это — тѣмъ болѣе, что рѣчь — почти вся историческаго содержанія (исторіи всегда запоминаются легко) и, несомнѣнно, представляла весьма высокій интересъ для слушателей. Много должно было способствовать запоминанію словъ и мыслей оратора и очень своеобразное

¹⁾ Wünsche, Neue Beiträge zur Erläuterung d. Evang. aus Talmud und Midrasch. 1878. s. 32.

²⁾ Der Midrasch Schür-ja-Schürim, ins Deutsche übertr. von Wünsche, къ (П. Пѣев.) I, 3, s. 21.

содержаніе рѣчи, — все оригинальное мы запоминаемъ гораздо легче, чѣмъ такое, въ чемъ не находимъ для себя ничего новаго, ничего обогащающаго наше познаніе. А содержаніе рѣчи вѣдь шло въ прямой разрѣзъ съ воззрѣніями слушателей. Притомъ, на рѣчь св. Стефана надо смотрѣть, какъ на окончательную формулировку всей его проповѣди невѣрующему іудейству Іерусалима. Въ такомъ случаѣ, многіе изъ слушателей лишній разъ слышали оригинальныя мысли св. Стефана. Это, безспорно, еще болѣе облегчало запомнаніе рѣчи. Каждая отдѣльная мысль оратора, каждое сильное выраженіе его рѣзко должны были запечатлѣться въ сознаніи слушателей. Рѣчь св. Стефана, какъ мы говорили, убѣдила фарисеевъ, и особенно Савла, въ необходимости гнать, мучить и убивать послѣдователей Христа. Нѣтъ, слѣдовательно, ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что для юноши Савла она осталась незабвенною до мелочей. Вѣдь каждое ея слово имѣло для него рѣшающее значеніе. Итакъ, рѣчь могла быть сохранена въ неискаженномъ видѣ въ записяхъ, и вѣроятно же всего, что ее запомнилъ и впоследствии записалъ юноша Савлъ.

Что касается достовѣрности передачи рѣчи Дѣяніемъ, то она, прежде всего, подтвержденіе свое находитъ въ томъ обстоятельстве, что рѣчь эта носитъ все слѣды живой, дѣйствительно произнесенной, рѣчи. Въ началѣ ораторъ спокойно говоритъ о первоначальныхъ фактахъ исторіи домо-строительства Божія объ Израилѣ, „но мало-по-малу рѣчь разгорается и изъ повѣствованія переходитъ (наконецъ) въ обличеніе ¹⁾“. До 35 ст. ораторъ спокойно воспроизводитъ факты въ хронологической ихъ послѣдовательности; съ 35 же стиха онъ преимущественно обобщаетъ ихъ. Въ настроеніи оратора, очевидно, произошла замѣтная перемѣна, о чемъ свидѣлствуютъ и выраженія: *τοῦτον τὸν Μωϋσῆν* 35 ст., *οὗτος ἐστὶν ὁ Μωϋσῆς* 37 ст., *οὗτος ἐστὶν* 38 ст. Ораторъ начинаетъ подчеркивать нѣкоторыя свои выраженія. Ст. 37 помѣщенъ между 36 и 38 исключительно по требованіямъ живой рѣчи. Ст. 42 и 52 не имѣютъ грамматической связи съ предшествующими стихами (въ греческомъ языкѣ обыкно-

¹⁾ *Blass*, Acta Apostolorum. 1895, pag. 95.

венно неопускаемой), что вполне естественно въ сильно воодушевленной рѣчи. Съ 44 ст. повѣствованіе на время ведется въ спокойномъ тонѣ, потому что ораторъ перемѣнилъ предметъ рѣчи. Въ ст. 51 переходъ къ обличенію съ виѣшной стороны такъ внезапенъ, что едва-ли можно устранить впечатлѣніе, что рѣчь была закончена при замѣтномъ уже волненіи слушателей. Последнее подтверждается и 54 стихомъ, гдѣ *ἀκούοντες* можетъ быть понято только въ томъ смыслѣ, что уже въ продолженіи рѣчи іудеи „рвались сердцами“ и „скрежетали зубами“ на оратора. Въ выраженіи 51 ст.: „необрѣзанные ушами“, можно видѣть указаніе на то, что слушатели закрывали свои уши, чтобы не слышать неприятныхъ для себя вещей. Подлинность рѣчи подтверждаетъ, затѣмъ, повѣствованіе о видѣніи, какого удостоился св. Стефанъ послѣ произнесенія рѣчи. Въ этомъ повѣствованіи, имѣющемъ, безспорно, одинъ источникъ съ рѣчью, встрѣчаются выраженія, такъ сказать, *ἀπὸ λέγουμενα*. Это — въ 56 ст.: „стоящаго“ и „Сына Человѣческаго“ объ Иисусѣ Христѣ въ Его прославленномъ состояніи. Вездѣ въ Новомъ Завѣтѣ Спаситель изображается „сидящимъ“ одесную Бога на небѣ, а „Сыномъ Человѣческимъ“ называть Себя только самъ Иисусъ Христосъ во время земной своей жизни. Но самымъ рѣшительнымъ признакомъ подлинности рѣчи служить слишкомъ своеобразный характеръ, какимъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, отличается она и по изложенію, и по содержанію. Итакъ, мы имѣемъ предъ собою не дословную передачу рѣчи св. Стефана, а изложеніе одного ея существеннаго содержанія; но это изложеніе, несомнѣнно, подлинно, т. е. ни содержаніе рѣчи въ существennomъ, ни характеръ ея нисколько не измѣнены Дѣянителемъ.

Изложеніе рѣчи носитъ строго-выдержанный библейскій характеръ. Книги божественнаго откровенія — основной и почти единственный источникъ для оратора. Пятоникіе (ст. 2—41. 44), кн. Иисуса Навина (ст. 45), Псалтирь (ст. 46), книги Царствъ (ст. 46—47), „книга пророковъ“ (*βιβλος τῶν προφητῶν*—ст. 42)—малыхъ (цитуются кн. прор. Амоса — ст. 42—43), кн. прор. Исаи (ст. 49—50),—всѣмъ этимъ св. Стефанъ пользуется совершенно свободно. Въ рѣчи не мало прямыхъ цитатовъ изъ этихъ книгъ, приводимыхъ не всегда съ буквальной точностію, а въ такомъ видѣ, въ какомъ они

необходимы по ходу мыслей или въ какомъ они определяются требованіями живой рѣчи. Такъ, слова Господа въ 3 ст. взяты буквально изъ Быт. XII, 1, но съ пропускомъ словъ: *καὶ ἐκ τοῦ οἴκου τοῦ πατρὸς σου*; въ 6—7 ст. первая половина цитата изъ Быт. XV, 13 сл. приведена съ превращеніемъ прямой рѣчи въ непрямую, а вторая — безъ этого превращенія, съ вводнымъ: *ὁ Θεὸς εἶπεν*,—ораторъ, очевидно, хочетъ обратить особенное вниманіе слушателей на эту вторую половину; въ 37 ст.—буквально въ сокращенномъ видѣ изъ Второз. XVIII, 15; въ 42—43 ст.—почти буквально изъ Амос. V, 25—27; въ 49—50 ст.—изъ Исaih LXVI, 1—2, причемъ вторую половину цитата св. Стефанъ нѣсколько сокращаетъ и изъ положительной формы превращаетъ въ вопросительную, очевидно—для усиленія эффекта. Все вообще обзорніе фактовъ изъ прошлой исторіи богоизбраннаго народа ведется языкомъ и выраженіями Библии. Даже тамъ, гдѣ въ этомъ нѣтъ положительной необходимости, ораторъ, по любви къ слову Божію, употребляетъ выраженія послѣдняго, напримѣръ—*βῆμα πόδος* 5 ст. изъ Второз. II, 5. Собственные выраженія оратора также образованы по тексту свящ. Писанія,—ст. 17, 25 и др. Даже отличаетъ слушателей ораторъ выраженіями Писанія: „жестоковыя и необрѣзанные сердца и уши“,—ст. 51, ср. Исх. XXXIII, 3, 5; Второз. IX, 6, 13; Неем. IX, 16 и мн. др.; сочетаніе: „необрѣзанные уши“, взято у прор. Іереміи VI, 10, гдѣ оно только и встрѣчается. Св. Стефанъ иногда пользуется Писаніемъ чисто-научнымъ способомъ. Такъ, во 2 ст. онъ первое явленіе Божіе Аврааму относитъ ко времени пребыванія патріарха въ Урѣ Халдейскомъ, а въ 4 ст. утверждаетъ, что переселеніе Авраама изъ Харрана въ Ханаанъ имѣло мѣсто послѣ смерти Фарры. Бытописатель объ этихъ фактахъ прямо не говоритъ, но научнымъ путемъ на основаніи его бытописанія они могутъ быть установлены. Строго-библейскому характеру изложенія рѣчи нѣсколько не противорѣчатъ встрѣчающіяся въ ней устныя іудейскія преданія (ст. 16, 22, 23, 30, 53). Эти преданія должны быть признаны отголоскомъ истинныхъ преданій ветхозавѣтной церкви. Изучаемая рѣчь, такимъ образомъ,—произведеніе богословски образованнаго мужа, превосходно знакомаго съ словомъ Божіимъ, умѣющаго пользоваться имъ по-научному и,

кромѣ того, также прекрасно знакомаго съ устными іудейскими преданіями.

Положеніе св. Стефана въ синагогѣ, какъ оратора, было слишкомъ исключительно. Свидѣтели-обвинители, вѣняя противъ него процессъ, говорили синагогѣ: „человѣкъ этотъ непрестанно произноситъ рѣчи (хулы) на святое мѣсто это (т. е. на храмъ,—синагога засѣдала на храмовой горѣ) и на законъ; ибо мы слышали, какъ онъ говорилъ, что Иисусъ Назорянинъ этотъ (т. е. извѣстный всему Іерусалиму и ненавистный іудеямъ) разрушитъ мѣсто это и измѣнитъ обычаи, которые передалъ намъ Моисей“ (Дѣян. VI, 13—14). Св. Лука называетъ свидѣтелей противъ св. Стефана „ложными“ (ст. 12). Но, само собою разумѣется, „ложными“ они были только въ томъ смыслѣ, что въ проповѣди св. Стефана находили богохульный элементъ. Что же касается содержанія этой проповѣди, какъ они излагаютъ его предъ судомъ, то сомнѣваться въ подлинности его нѣтъ безусловно никакихъ основаній. Итакъ, св. Стефанъ проповѣдывалъ іерусалимлянамъ, что Иисусъ изъ Назарета — Мессія, что, хотя іудеи Его и убили, но Онъ воскресъ и обладаетъ такимъ могуществомъ, что осуществитъ вполнѣ то дѣло, ради котораго пришелъ на землю. Съ Иисуса Христа, не смотря на сопротивление этому со стороны Израиля, начался новый моментъ въ исторіи развитія божественнаго домостроительства о спасеніи человѣка. Въ отношеніи къ Израилю этотъ моментъ выразится въ совершенномъ упраздненіи храмоваго культа и измѣненіи „обычаевъ, переданныхъ Моисеемъ“. Изъ двухъ существовавшихъ въ предшествующій моментъ исторіи домостроительства Божія средствъ спасенія въ царствѣ Мессіи одно окажется совершенно излишнимъ, другое—недостаточнымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, проповѣдь св. Стефана носила обличительно-угрожающій характеръ. Съ разрушеніемъ храма Израиль будетъ поставленъ въ условія, при которыхъ измѣнятся „обычаи, переданные Моисеемъ“. Другими словами, невѣрующій Израиль за вину своего противленія волѣ Божіей о спасеніи человѣка чрезъ Иисуса Христа будетъ всецѣло отвергнутъ Богомъ; іудеи снова будутъ лишены своей страны.

Въ такой проповѣди враги св. Стефана усмотрѣли хулу на храмъ и на законъ (ст. 13), или на Бога и на Моисея

(ст. 11). Дѣйствительно, съ точки зрѣнія законническаго іудейства проповѣдь св. Стефана является именно такою хулою. Мы знаемъ, что іудей эпохи новозавѣтныхъ событій смотрѣли на храмъ, какъ на мѣсто, гдѣ необходимо обитаетъ Богъ (по раввинамъ—въ лицѣ своихъ посредниковъ). Обладаніе храмомъ, поэтому, служило для іудеевъ самымъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ того, что они обладаютъ истинною и что Богъ—на ихъ сторонѣ. Но спасающее присутствіе Іеговы среди Израиля, по вѣрованію іудеевъ новозавѣтной эпохи, обуславливается исключительно строгимъ исполненіемъ закона Моисеева, осложненнаго „отеческими преданіями“. Отсюда—преувеличенное представленіе о значеніи закона. Законъ имѣетъ значеніе не условное, воспитывающее, а безусловное, вѣчное, и въ себѣ самомъ заключаетъ свою цѣль. Завѣтъ Бога съ Израилемъ есть чисто-юридическій договоръ. Богъ тѣмъ ближе къ своему народу, чѣмъ строже Израиль исполняетъ взятое имъ на себя обязательство, чѣмъ точнѣе онъ исполняетъ букву закона. При такомъ пониманіи завѣта Бога съ Израилемъ, конечно, совершенно недопустима мысль, что съ пришествіемъ Мессіи существовавшія до Него средства спасенія окажутся излишними или недостаточными. Мессія явится лишь затѣмъ, чтобы облегчить Израилю исполненіе закона и, тѣмъ самымъ, сдѣлать іудеевъ участниками *возможно большаго количества слѣдующихъ за этимъ исполненіемъ благъ*. Первый храмъ былъ отнятъ отъ Израиля за нарушеніе закона. Возможно-ли, что съ пришествіемъ Мессіи, имѣющимъ произойти тогда, когда весь Израиль будетъ народомъ закона, второй храмъ также будетъ отнятъ, а законъ, эта первооснова творческой и промыслительной дѣятельности Божіей, это откровеніе Божіе *κατ' ἐξουσίαν*,—измѣненъ? Не ради-ли закона, съ которымъ неразрывно связанъ храмовой культъ, и придетъ Мессія на землю? Такъ вѣровали и разсуждали іудей—современники св. Стефана, и его обличительная съ характеромъ угрозы проповѣдь оскорбляла всѣ самыя завѣтныя ихъ мечты. Неудивительно, поэтому, что іерусалимляне были очень встревожены распространившимися въ городъ слухами о св. Стефанѣ, какъ проповѣдникѣ богохульнаго и анти-національнаго ученія. И это—тѣмъ болѣе, что распространители этихъ слуховъ убѣждали всѣхъ, что они слышали такое ученіе

изъ устъ св. Стефана сами, своими ушами (ст. 11). Наконецъ, возбужденіе противъ св. Стефана дошло до крайней степени своего напряженія. И вотъ, однажды, когда св. Стефанъ, вѣроятно, исполнялъ свои обязанности въ качествѣ апостольскаго сотрудника и попечителя о бѣдныхъ, на него напала толпа іудеевъ и повлекла въ синедріонъ, вполнѣ увѣренная, что онъ—богохульникъ и что синедріонъ накажетъ его по всей строгости закона, т. е. смертною казнію. Раздраженная толпа могла и сама убить св. Стефана, но законъ и „отеческія преданія“ вошли въ плоть и кровь іудея этого времени, и онъ не забывалъ ни того, ни другихъ даже въ состояніи полного аффекта. А и тотъ, и другія запрещали убивать преступника безъ суда надъ нимъ. Та часть іудеевъ, которая привела Стефана въ синедріонъ и заняла свободныя въ залѣ засѣданія мѣста, была, такимъ образомъ, страстно возбуждена противъ обвиняемаго и вполнѣ увѣрена, что онъ будетъ осужденъ.

И судьи, предъ которыми стоялъ св. Стефанъ, заранѣе были уже враждебно настроены по отношенію къ нему. Эти судьи, члены великаго синедріона (полный ихъ составъ—71 чловѣкъ, безусловный минимумъ при уголовныхъ процессахъ—23 члена), сидѣли предъ обвиняемымъ полукругомъ съ предсѣдателемъ—первосвященникомъ во главѣ, занимавшимъ центръ полукруга. По правую и по лѣвую руку отъ первосвященника сидѣли представители священнической саддукейской аристократіи. Ближайшее къ предсѣдателю мѣсто занималъ, вѣроятно, если только онъ въ это время присутствовалъ въ синедріонѣ, хитрый и злой отставной первосвященникъ Анна, въ продолженіи очень многихъ лѣтъ бывший руководителемъ этой аристократіи. Саддукеи давно жаждали смерти проповѣдниковъ евангельскаго ученія. Есть всѣ основанія думать, что и инициатива дѣла противъ св. Стефана принадлежала никому другому, какъ первосвященнической партіи. Эта юридически преобладавшая въ синедріонѣ партія могла встрѣтить окруженнаго разсвирѣпѣвшею толпою Стефана только съ радостію. Лучше другихъ саддукеи знали, что судебный процессъ ограничится одною формальностію. Наскоро допросивъ свидѣтелей, первосвященникъ задаетъ подсудимому отрывистый вопросъ: „такъ-ли это?“ (VII, 1). Онъ злорадно уже предчувствуетъ тотъ мо-

ментъ, когда съ устъ обвиняемаго сойдетъ слово или выраженіе, которое съ точки зрѣнія законничества должно истолковать въ смыслѣ хулы на Бога и на Моисея, и когда, услышавъ эту хулу, онъ первый разорветъ свои одежды. Слѣдующее послѣ священнической аристократіи мѣсто въ синедріонѣ принадлежало книжникамъ и фарисеямъ. Книжники—руководители духовной жизни законническаго іудейства, творцы и хранители устнаго закона, заслонявшаго собою въ сознаніи іудея даже писанный, Моисеевъ, законъ. Они пользовались безграничнымъ господствомъ надъ духовною жизнію народа іудейскаго. Фарисеи—живые праведники законничества, осуществители начертаннаго книжниками религіозно-нравственнаго идеала. Они также были весьма авторитетны въ глазахъ народа, даже когда не были книжниками (книжникъ могъ быть и фарисеемъ, т. е. могъ всецѣло посвятить себя осуществленію законническаго идеала жизни, какъ Гамалиилъ и др.). Какъ должна была отнестись къ Стефану эта партія, фактически преобладавшая въ синедріонѣ? Гамалиилъ, выражая въ процессѣ Апостоловъ общее мнѣніе фарисейской партіи относительно христіанства, предлагалъ предоставить „это предпріятіе“ времени въ надеждѣ, что оно само собою уничтожится (V, 34—39). Но этого не случилось. Выступленіе св. Стефана въ качествѣ апостольскаго сотрудника ознаменовалось необыкновеннымъ умноженіемъ числа членовъ церкви (VI, 7—8). Фарисеи были поставлены въ неловкое положеніе. Имъ приходилось признать, что христіанство есть дѣло отъ Бога (V, 39). Конечно, они не могли признать этого. Такимъ образомъ, обстоятельства вынуждали ихъ стать на точку зрѣнія саддукеевъ, т. е. согласиться на подавленіе христіанства мѣрами вѣшняго насилія. Слухи о св. Стефанѣ, какъ проповѣдникѣ богохульнаго ученія, окончательно примприли ихъ въ данномъ случаѣ съ первосвященнической партіей. Дѣписатель прямо говоритъ, что книжники, а слѣдовательно и фарисеи, были возбуждены противъ св. Стефана еще до суда надъ нимъ, какъ и старѣйшины народные, послѣдняя группа членовъ синедріона (VI, 12). Книжники, фарисеи и старѣйшины, поэтому, также горѣли желаніемъ смерти проповѣднику богохульнаго ученія.

Таково было собраніе, предъ которымъ св. Стефанъ дол-

женъ былъ защищать себя. По самому существу дѣла, его самозащита должна была состоять въ изложеніи ученія, которое онъ доселѣ проповѣдывалъ іерусалимлянамъ. Этому требовалъ отъ него судъ. Предсѣдатель, обращаясь къ нему съ вопросомъ: „такъ-ли это?“ спрашивалъ, конечно, не о томъ, дѣйствительно-ли онъ непрестанно проповѣдывалъ народу извѣстное ученіе. Это было фактомъ, неподлежащимъ никакому сомнѣнію. Первосвященникъ желаетъ выслушать ученіе обвиняемаго, чтобы судъ имѣлъ возможность опредѣлить, дѣйствительно-ли оно богохульно, или же въ немъ не заключается богохульнаго элемента. Но еще больше къ этому побуждало Стефана званіе проповѣдника Евангелія. Не могъ св. Стефанъ не чувствовать и не сознавать того, что какова ни будетъ его защита, судьи все-равно вынесутъ ему обвинительный приговоръ. Какъ истинный апостоль Христовъ, онъ долженъ былъ совершенно забыть о себѣ и воспользоваться предоставленнымъ ему словомъ для того, чтобы въ послѣдній разъ выяснить представителямъ іудейства ихъ вину по отношенію къ Іисусу Христу. А такъ какъ они, какъ масса, какъ народъ, совершенно погибли для Евангелія, что доказала безуспѣшность въ данномъ отношеніи проповѣди самого Христа и Его Апостоловъ, то выяснить имъ ихъ вину можно было, только обличая ихъ. Да и самое ученіе св. Стефана носило обличительно-угрожающій характеръ. Итакъ, въ качествѣ подсудимаго св. Стефанъ долженъ былъ изложить предъ судомъ свое ученіе, заключавшее въ себѣ очень много непріятнаго для законническаго іудейства, а въ качествѣ проповѣдника Евангелія долженъ былъ изъ подсудимаго обратиться въ судію, изъ обвиняемаго въ обвинителя, изъ уличаемаго въ хулѣ на Бога и на Моисея въ обвинителя невѣрующаго Израиля за постоянное противоборство Богу. Задача, которая предстояла св. Стефану, какъ оратору, была, такимъ образомъ, очень и очень нелегкая. При первомъ же словѣ его, прямо направленномъ противъ слушателей, они готовы были броситься на него и расправиться съ нимъ по всей строгости закона. Сколько ораторскаго искусства самого высокаго достоинства требовалось отъ человѣка въ положеніи св. Стефана! Послѣднему необходимо было успокоить слушателей, повести свою рѣчь такъ, чтобы они возможно спокойно вы-

слушали его, чтобы они могли убѣдиться въ отсутствіи богохульнаго элемента въ его проповѣди и сознали свою вину, и, наконецъ, обличить ихъ за ихъ грѣхъ богоборства. Изучаемая рѣчь показываетъ, что св. Стефанъ разрѣшилъ эту трудную ораторскую задачу самымъ блестящимъ образомъ.

Онъ прибѣгъ къ тому способу веденія рѣчи, къ какому всегда вынужденъ бываетъ прибѣгать ораторъ, когда ему нужно убѣдить слушателей въ истинѣ, для нихъ или непріятной, или слишкомъ неожиданной. Въ этихъ случаяхъ ораторъ не высказываетъ своихъ мыслей открыто, а заставляетъ самихъ слушателей догадываться о томъ, что онъ хочетъ сказать имъ. Если-бы ораторъ высказалъ свою идею откровенно въ самомъ началѣ рѣчи, то слушатели или не стали бы его слушать, или, если бы и стали, то не спокойно слѣдя за его аргументаціей, а относясь къ ней съ явнымъ предубѣжденіемъ. Рѣчь не имѣла бы успѣха, по крайней мѣрѣ у громаднаго большинства слушателей. Но слишкомъ неожиданная или непріятная для послѣднихъ истина легче можетъ быть воспринята ими, когда въ ихъ сознаніи будетъ подготовлена почва для воспріятія ея. Рѣчь св. Стефана, какъ мы уже говорили, представляетъ собою обширное обзорѣніе исторіи спасенія Израиля отъ Авраама до Христа. Много фактовъ изъ этой исторіи приводитъ св. Стефанъ. Но онъ не даетъ непосредственнаго изъясненія воспроизводимыхъ имъ фактовъ. Ораторъ заставляетъ самихъ слушателей дѣлать изъ этихъ фактовъ соотвѣтствующіе выводы. Исторія Израиля у него говоритъ сама за себя. Слушатели лишены возможности выразить протестъ противъ рѣчи, такъ какъ ея содержаніе—факты священной исторіи. Въѣсть съ тѣмъ, факты эти неволью дѣйствуютъ на слушателей, неволью вносятъ въ ихъ сознаніе представленія, которыми живетъ ораторъ. Эти представленія непріятны для слушателей, но послѣдніе все-таки знакомятся съ ними. Пусть іудеи не согласятся съ ораторомъ, но его задачу, какъ проповѣдника Евангелія, составляетъ изложить имъ свое ученіе въ такой формѣ, въ какой оно имѣетъ убѣдительную силу для него самого. Для слушателей св. Стефана не была ясна напередъ идея и основныя положенія его рѣчи, не было ясно напередъ отношеніе каждаго въ отдѣльности историческаго образа, воспроизводимаго имъ, къ той идеѣ, какую онъ хо-

тѣль провести. И эта идея, и главныя положенія рѣчи, и это отношеніе ея историческихъ образовъ къ идеѣ выяснялись въ сознаниі слушателей постепенно. И только тогда, когда для послѣднихъ стало вполне яснымъ то, что хотѣль высказать ораторъ, онъ нашелъ излишнимъ вести свою рѣчь и дальше такъ, какъ велъ ее до сихъ поръ, и перешелъ къ прямому обличенію невѣрующаго Израиля. Эта своеобразная особенность изучаемой рѣчи выдѣляетъ ее и со стороны изложенія изъ ряда всѣхъ другихъ, заключающихся въ Свящ. Писаніи, рѣчей.

Стремленіе оратора успокоить слушателей сказалось и въ общемъ тонѣ рѣчи. Съ удивительнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ, кротко и мирно обращается ораторъ, лицо котораго было, „какъ бы лицо ангела“ (Дѣян. VI, 15), къ собранію съ словами: „Мужи, братіе и отцы, выслушайте!“ (VII, 2). Спокойно и торжественно вслѣдъ за этимъ начинается онъ воспроизводить образы изъ прошлой исторіи Израиля, ставя въ началѣ своего обзорѣнія этой исторіи высокія и досточтимыя для собравшихся іудеевъ имена: Божіе и родоначальника народа закона—Авраама, исповѣдуя свою вѣру въ Бога Израиля и въ божественное избраніе его. Это должно было успокоить членовъ синагога и всѣхъ слушателей, которые въ обвиняемомъ видѣли самаго ужаснаго нечестивца. Также успокоительнымъ образомъ должны были подѣйствовать на слушателей и слова оратора о томъ, что служеніе Израиля въ Хаанаѣ обусловлено волею Божіею (ст. 7), что законъ—„слова живыя“, данныя Моисею Богомъ на Синаѣ (ст. 38), что храмовой культъ—одного происхожденія съ закономъ и существовалъ во все время исторіи Израиля по волѣ Божіей (ст. 44—47), и мн. др. под. Даже во второй части рѣчи, гдѣ ораторъ говоритъ въ повышенномъ тонѣ, гдѣ желаніе обличить слушателей становится болѣе замѣтнымъ, онъ не употребляетъ ни одного рѣзкаго выраженія, не произноситъ ни одного слова, которое бы дало слушателямъ возможность прервать рѣчь. Успокоивающее дѣйствіе должны были произвести на слушателей и тѣ іудейскія преданія, которыми пользуется ораторъ, и тотъ способъ сопоставляется цитатовъ изъ разныхъ книгъ Писанія, какой былъ обыченъ книжнымъ іудеямъ того времени, и тотъ, наконецъ, строго-библейскій характеръ изложенія рѣчи, ко-

торый обличалъ превосходное знакомство оратора съ словомъ Божиимъ.

Итакъ, какъ произведеніе ораторскаго искусства, разсматриваемая рѣчь вполнѣ подтверждаетъ характеристику св. Стефана въ книгѣ Дѣяній, какъ мужа, полного мудрости, какъ необыкновенно успѣшнаго проповѣдника Евангелія и состязателя съ очень тонкими и искусными діалектиками — образованными еллинистами. Общій характеръ рѣчи обличаетъ въ св. Стефанѣ „великую мудрость, высокое ораторское искусство, не имѣющее ничего общаго съ школьной теоріей и хитрою умшленностію, но являющееся плодомъ христіанскаго чувства, плодомъ змѣиной мудрости при простотѣ голубя“¹⁾.

Обращаясь къ выясненію содержаніясамоі рѣчи, мы должны предварительно замѣтить, что богодухновенный ораторъ не даетъ непосредственнаго изъясненія воспроизводимыхъ имъ изъ исторіи спасенія Израиля фактовъ. Это дѣлаетъ весьма труднымъ опредѣленіе идеи рѣчи и раскрытіе ея содержанія. Одному и тому-же историческому образу рѣчи можно придать и тотъ, и другой смыслъ, смотря по тому, какимъ методомъ мы будемъ истолковывать все историческое содержаніе рѣчи. Задачу изслѣдователя послѣдней въ данномъ

¹⁾ Lange. Über die Rede des Stephanus, in *Theologische Studien und Kritiken*, 1836, s. 726; ср. Neander, *Geschichte d. Pflanz. u. Leit. d. christlich. Kirche durch d. Apost.*, 1838, ss. 68—69. Подобный взглядъ на рѣчь, какъ на ораторское произведеніе, высказанъ еще св. Астеріемъ Млаііскимъ (4 в.) въ цитованномъ уже нами похвальномъ словѣ св. Стефану. Приведа обращеніе оратора къ слушателямъ, св. отецъ говоритъ: „Мудрое введеніе, превосходное начало публичной рѣчи къ разгоряченному народу; ибо пріятныя и ласковыя рѣчи, имѣя въ себѣ какъ-бы медь какой или будучи подобны свѣжему маслу, укрощаютъ волненіе дикихъ порывовъ. Потомъ восходитъ память къ Аврааму, дабы, начавъ съ древнихъ время и простирая далѣе слово, этою большою вставкою въ серединѣ (рѣчи) незамѣтно истощить постепенно ослабляемую ярость. Закончивъ же это продолжительное повѣствованіе, онъ показываетъ, что и Моисей пророчествовалъ о Христѣ, дабы достовѣрностью законодателя искусно, какъ бы тайкомъ, ввести слово вѣры. Когда же увидѣлъ неподающуюся злобу и неукротимое упорство, тогда наконецъ, исполнившись дерзвенія и отрекаясь отъ здѣшней жизни, онъ оставилъ всякое усиліе расположить къ себѣ (ласковою рѣчію) и неприкроенно назвалъ ихъ жестоковѣрными, необрѣзанными сердцемъ, противящимися закону, воющими противъ Духа и др. под. именами“ (стр. 6).

случаѣ и составляетъ найти тотъ методъ, который бы далъ возможность выяснитъ смыслъ каждаго историческаго образа рѣчи согласно съ самимъ ораторомъ. До сихъ поръ эта задача не была разрѣшена удовлетворительнымъ образомъ. Между тѣмъ, такое разрѣшеніе ея, конечно, исполнѣ возможно. Чтобы опредѣлитъ методъ, которымъ изучаемая рѣчь должна быть истолкована, необходимо обратитъ вниманіе, прежде всего, на отношеніе ея къ содержанію проповѣди, за которую обвиняли оратора.

Много мудрости и ораторскаго искусства проявилъ св. Стефанъ, стремясь успокоитъ слушателей и заставить ихъ выслушать свою рѣчь до конца. Но онъ ни на минуту не забываетъ положеній, въ которыхъ хочетъ убѣдитъ іудеевъ. „Хотя, справедливо замѣчаетъ одинъ старый экзегетъ, онъ не высказываетъ прямо положеній, говорящихъ противъ противниковъ; однако на все отвѣчаетъ выразительно“¹⁾. Ни для слушателей св. Стефана, ни для ислѣдователя его рѣчи не ясенъ напередъ смыслъ историческихъ образовъ, воспроизводимыхъ имъ. Но и слушатель чувствовалъ и для ислѣдователя непосредственно ощутительно, что выборъ и расположеніе фактовъ изъ исторіи Израиля опредѣлялись не случайными ассоціаціями въ сознаніи оратора, что послѣдній при этомъ выборѣ и расположеніи руководился сознаніемъ планомѣрности и имѣлъ въ виду опредѣленную идею. Св. Стефанъ началъ свою рѣчь обзорѣніемъ нѣкоторыхъ фактовъ изъ исторіи Авраама. Такое начало надо признатъ исполнѣ удачнымъ. Св. Стефана обвиняли за проповѣдь ученія о новомъ и, притомъ, всецѣломъ отверженіи Израиля Богомъ. Но послѣдняя воля Божія относительно народа закона не можетъ стоять въ противорѣчій съ обѣтованіями, данными родоначальнику этого народа. Уже въ исторіи Авраама долженъ былъ сказаться общій характеръ домостроительства Божія объ Израилѣ. Оратору и было весьма важно выяснитъ слушателямъ, что проповѣдуемое имъ ученіе нисколько не противорѣчитъ правильному представленію объ этомъ, выразившемся уже въ начальномъ фактѣ исторіи Израиля, характерѣ домостроительства Божія. Соответственно этому, Стефанъ не вообще воспроизводитъ исторію

1) *Bengel, Gnomon Novi Testamenti, edit. in Berol. 1860, pag. 288.*

Авраама, а только нѣкоторыя ея черты и имѣеть въ виду не самого Авраама, а божественное попеченіе о немъ. „Богъ славы“ вывелъ Авраама изъ земли Халдейской и привелъ его въ Ханаанъ, но не далъ ему никакой земельной собственности въ этой странѣ, а обѣщалъ дать послѣднюю въ полное обладаніе его потомкамъ, причемъ открылъ ему, что его потомство сначала будетъ сражать въ чужой странѣ, а потомъ, освобожденное отъ страданій Богомъ, займетъ, наконецъ, обѣтованную землю и будетъ служить въ ней Богу (Дѣян. VII, 2—7),—трудно напередъ сказать, что хотѣлъ выразить слушателямъ ораторъ, воспроизводя такимъ образомъ исторію Авраама; но непосредственное, производимое самими историческими образами, впечатлѣніе говорить за определенное намѣреніе оратора и именно за намѣреніе его изобразить общій характеръ домостроительства Божія объ Израилѣ. Въ частности, напримѣръ, св. Стефанъ очень подробно говоритъ о переселеніи Авраама Богомъ изъ Ура въ Ханаанъ (ст. 2—4). Очевидно, онъ хочетъ усилить впечатлѣніе контраста отъ сопоставленія этого факта съ другимъ, именно—съ тѣмъ, что Богъ не далъ Ханаанской земли Аврааму въ обладаніе и даже не позволилъ ему приобрести себѣ въ ней собственности „ни на стоцу ноги“ (ст. 5). Далѣе, въ рѣчи обстоятельно воспроизводится исторія Моисея (ст. 17—42). Принимая во вниманіе, что законъ и храмовой культъ даны были Израилю чрезъ Моисея и что самъ ораторъ даетъ прямое указаніе на Моисея, какъ на прообразъ Христа (ст. 37), должно весь трактующій о великомъ еврейскомъ вождѣ отдѣлъ рѣчи признать имѣющимъ прямое отношеніе къ содержанию проповѣди св. Стефана. Исторія Іосифа (ст. 9—16) идетъ у оратора параллельно исторіи Моисея: оба они были отвергнуты своими братьями, но возвышены Богомъ и стали спасителями потомства Авраама. И эта исторія, такимъ образомъ, не случайно обозрѣвается ораторомъ. Наконецъ, отдѣлъ о скиніи и храмѣ (ст. 44—50), безспорно, имѣеть самое близкое отношеніе къ обвиненію въ хулѣ на храмъ. Итакъ, между содержаніемъ рѣчи и проповѣди св. Стефана есть непосредственное взаимоотношеніе. Но содержаніе проповѣди оратора для насъ—величина определенная. Въ немъ два главныхъ пункта: мессіанское достоинство Іисуса Назорянина („Іисусъ Назоряннъ этотъ разрушитъ... и измѣнитъ..“)

и новое и всецѣлое отверженіе Израиля Богомъ („разрушить мѣсто это и измѣнить обычай, которые передалъ намъ Моисей“). Около этихъ двухъ главныхъ пунктовъ ученія св. Стефана должно быть сосредоточено и все содержаніе его рѣчи. А такъ какъ содержаніемъ этимъ служатъ факты изъ прошлой исторіи Израиля то, очевидно, они воспроизводятся, какъ типы (т. е. прообразы) новозавѣтныхъ событій“.

Въ самой рѣчи есть, дѣйствительно, прямыя указанія на то, что прошлую исторію Израиля ораторъ обозрѣваетъ съ типологической (прообразовательной) ея стороны. Такъ, онъ обстоятельно выясняетъ общій характеръ домостроительства Божія объ Израилѣ, какъ этотъ характеръ выразился въ исторіяхъ Авраама, Иосифа, Моисея. Св. Стефанъ при этомъ имѣетъ въ виду новозавѣтные факты спасенія. Но пользоваться прошлой исторіей Израиля, имѣя въ виду новозавѣтные факты, и значить истолковывать ее въ типологическомъ смыслѣ. Выясняя общій характеръ домостроительства Божія объ Израилѣ, ораторъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, останавливается на ветхозавѣтныхъ фактахъ, прообразовавшихъ собою тѣ новозавѣтные факты, о которыхъ онъ проповѣдывалъ іерусалимлянамъ. Иосифъ и Моисей, по св. Стефану, были мужами, которыхъ съ дѣтства и даже съ младенчества (Моисей) предвѣизбралъ Богъ въ качествѣ спасителей потомства Авраамова, одного—отъ голодной смерти, другого—отъ окончательной гибели въ Египтѣ. Но и того, и другого, отвергли люди; и Моисей, и Иосифъ пережили сначала періодъ униженія. Богъ, однако, возвысилъ обоихъ и, вопреки всѣмъ неблагопріятнымъ для нихъ обстоятельствамъ, заставилъ потомковъ Авраама признать ихъ своими спасителями. Подъ вліяніемъ живой, раздававшейся по іерусалимскимъ домамъ и въ храмъ, проповѣди о прославленіи Іисуса Назоряннина, котораго отвергли и убили іудеи, но воскресилъ Богъ, слушатели св. Стефана не могли въ Иосифѣ и Моисеѣ, какъ ихъ изображалъ ораторъ, не видѣть типовъ Іисуса Назоряннина. Св. Стефанъ и не скрываетъ, что, по его мнѣнію, Моисей—прообразъ Іисуса Христа (ст. 37). Точно также, ораторъ въ обозрѣніи исторіи Моисея много и подробно говоритъ о неразуміи отвергшихъ его израильтянъ и объ отверженіи ихъ за это Богомъ. И здѣсь для слушателей было ясно, что, обличая поведеніе отцовъ, ora-

торъ имѣлъ въ виду дѣтей. Это, впрочемъ, высказано въ рѣчи и вполне откровенно—въ конечномъ обличеніи („какъ отцы ваши, такъ и вы“, ст. 51).

Да и по самому существу дѣла св. Стефанъ для убѣжденія іудеевъ въ проповѣдуемыхъ имъ фактахъ долженъ былъ привлечь прошлую исторію Израиля и взять ее именно съ типологической ея стороны. Іудеи не хотѣли видѣть въ Исусѣ Назоряннѣ Мессіи и считали совершенно недопустимою мысль о разрушеніи храма и измѣненіи закона Моисеева, т. е. о всецѣломъ отверженіи Израиля, лишь потому, что неправильно понимали прошлую исторію Израиля и духъ божественнаго Откровенія. „О, несмысленные и косные сердцемъ, чтобы вѣровать всему, что предсказали пророки!“ (Лк. XXIV, 25)—взывалъ воскресшій Христосъ двумъ своимъ ученикамъ (непоименованнымъ въ Евангеліи, по преданію—Лукъ и Клеопъ), вѣровавшимъ въ Него, какъ „пророка, сильнаго въ дѣлѣ и словѣ предъ Богомъ и всѣмъ народомъ“ (ст. 19), и надѣявшимся, что „Онъ есть тотъ, который долженъ избавить Израиля“ (ст. 21). „Не такъ-ли—говорилъ Онъ имъ—надлежало Христу войти въ славу свою? И, начавъ отъ Моисея, изъ всѣхъ пророковъ изъяснялъ имъ сказанное о Немъ во всемъ Писаніи“ (ст. 26—27). Такимъ образомъ, даже самые вѣрные послѣдователи Христа до того момента, какъ увѣровали въ Его воскресеніе, были „несмысленными и косными сердцемъ, чтобы вѣровать“, что Христосъ пришелъ такъ, какъ Ему надлежало придти, и что все Писаніе свидѣтельствуетъ о новозавѣтныхъ фактахъ спасенія,—о томъ, что дѣйствительно произошло и имѣло еще произойти вслѣдствіе явленія въ міръ Христа.

Само собою понятно, что убѣдить невѣрующихъ іудеевъ какъ въ основномъ изъ этихъ фактовъ, т. е. что Исусъ Назорянинъ—Христосъ, такъ и въ остальныхъ, можно было только „приводя свидѣтельства и удостовѣряя ихъ объ Исусѣ изъ закона Моисеева и пророковъ“ (Дѣян. XXVIII, 23). Вѣтхій и новій завѣты, по смыслу всего Откровенія, имѣютъ тѣсную, органическую связь. И по вѣншему виду, и по внутреннему складу взрослый человѣкъ отчасти видѣлъ уже въ дитяти. Подъ покровомъ ветхаго завѣта скрывалась и жила душа новаго завѣта. Истинный Израиль всегда былъ народомъ желанія, народомъ чаяній. Настоящее народа Бо-

жия подготовляло собою будущее, и въ исторіи патріарховъ и Израиля было много условій, при которыхъ сами собою должны были возникнуть прообразы будущаго. Въ исторіи Израиля въ зародышѣ заключалось все то, что достигло полной зрѣлости въ христіанствѣ. Каждый моментъ исторической жизни Израиля былъ ступенью къ новому завѣту ¹⁾. Отсюда, задачу проповѣдниковъ Евангелія іудеямъ составляло выяснить внутренній смыслъ и духъ вѣтхозавѣтныхъ историческихъ явленій и связать факты изъ всей прошлой жизни Израиля съ новозавѣтными фактами спасенія.

Самъ Христосъ и Его Апостолы и ученики такъ, дѣйствительно, и поступали. Являясь своимъ ученикамъ по своему воскресенію въ продолженіи сорока дней, Иисусъ Христосъ убѣждалъ ихъ, что Ему такъ „надлежало войти въ славу свою“, какъ Онъ вошелъ,—свидѣтельствами Писанія. „Тогда—повѣствуетъ св. Лука—отверзъ имъ умъ къ разумѣнію Писаній и сказалъ имъ: такъ написано, и такъ надлежало пострадать Христу и воскреснуть изъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдану быть во имя Его покаянію и прощенію во всѣхъ народахъ, начиная съ Иерусалима“ (Лк. XXIV, 45—47). Св. ап. Петръ въ четырехъ своихъ рѣчахъ (Дѣян. I, 16—22; II, 14—36, 38—40; III, 12—26; IV, 8—12; ср. IV, 24—30), св. ап. Павелъ въ рѣчахъ (особ. Дѣян. XIII, 16—41) и особенно въ посланіяхъ своихъ (Римл., Гал., Евр.) и до самаго конца жизни (Дѣян. XXVIII, 23), а также свящ. писатели Новаго Завѣта (особ. еванг. Матвей), — всѣ они убѣждали іудеевъ въ той истинѣ, что Иисусъ Назорянинъ—Христосъ, Сынъ Божій, именно свидѣтельствовали изъ вет-

¹⁾ „Уже задолго до Христа,—прекрасно говоритъ де-Ветте,—былъ приготовленъ міръ, въ которомъ Онъ имѣлъ выступить: весь ветхій завѣтъ есть единое великое пророчество, единый великій типъ того, что нѣкогда имѣло произойти и дѣйствительно произошло. Святые прозорливы ветхаго завѣта уже задолго до Христа въ духъ и пророческомъ предчувствіи созерцали Его пришествіе и ясное или темное предощущали новое ученіе. Типологическое сравненіе ветхаго завѣта съ новымъ (у Апостоловъ) отнюдь не было пустою игрою. Едва-ли также можно видѣть пустой случай въ томъ, что евангельская исторія въ важнѣйшихъ (своихъ) моментахъ идетъ параллельно съ Моисеевою.“ (*De-Witte. Beitrag zur Charakteristik des Hebraismus, in den Studien von Daub und Creuzer, s. 224.—у Thaluck'a. Commentar zum Briefe an die Hebräer, 1836, Beilage I, s. 42.*)

хозавѣтнаго Писанія, т. е. изъ всей прошлой исторіи Израіля и изъ пророческихъ книгъ.

Если же прошлая исторія Израіля въ ея отношеніи къ новозавѣтнымъ фактамъ спасенія можетъ и должна быть понимаема и толкуема въ типологическомъ смыслѣ и если все новозавѣтное Писаніе такъ, дѣйствительно, и дѣлаетъ, то мы не имѣемъ никакого права допустить въ этомъ отношеніи исключеніе для одной только рѣчи св. Стефана. То обстоятельство, что поводомъ къ рѣчи послужило обвиненіе св. Стефана въ проповѣди ученія о имѣющемъ чрезъ Иисуса Христа произойти разрушеніи храма и измѣненіи Моисеева закона, нисколько не говоритъ въ пользу этого исключенія. Даже напротивъ, это обстоятельство представляетъ собою сильнѣйшее подтвержденіе того, что воспроизведеніе исторіи Израіля въ изучаемой рѣчи можно и должно понимать съ точки зрѣнія т. н. „типическаго пророчества“. На эту точку зрѣнія св. Стефанъ естественно долженъ былъ стать. Онъ предсказывалъ будущую судьбу храма и закона, а съ ними—всей іудейской народности, но каждый послѣдующій моментъ въ исторіи Израіля органически связанъ съ предшествующими, а потому и будущая судьба храма и закона преднамѣчалась уже пережитыми народомъ событіями ¹⁾.

Что путь исторической типологій въ примѣненіи къ рѣчи св. Стефана—единственно возможный, отрицательное доказательство тому представляетъ множество и разнообразіе попытокъ къ истолкованію рѣчи другими способами, попы-

¹⁾ Типологическая точка зрѣнія при истолкованіи событій изъ прошлой исторіи Израіля не чужда и раввинамъ. Такъ, напримѣръ, Моисей, по послѣднимъ,—типъ Мессіи. „Раввинъ Берахія говоритъ во имя раввина Леви: *каковъ первый избавитель (Моисей), таковъ будетъ и послѣдній*“ (*Ruth rabba* къ П, 14, въ перев. Wünsche s. 41; букв. тоже въ *Pesikta Rab kahana*, fol. 49 в—у *Weber'a*, *Jüdische Theologie auf Grund Talmud und verwandter Schrift*, 1897, s. 364). Двѣ сходныя черты указываютъ въ судьбѣ того и другого раввина: а) какъ Моисей родился въ Египтѣ, а не въ Ханаанѣ, такъ и Мессія родится въ Римѣ, или въ странѣ эдомлянъ; и б) „какъ первый избавитель открылся израильтянамъ, а потомъ скрылся отъ нихъ,... такъ и послѣдній избавитель откроется (имъ), а потомъ скроется отъ нихъ“ (*ibidem*, ср. *Schemoth rabba*, parasha I, къ (Нсх.) П, 10, въ перев. Wünsche s. 21, и *Tanchuma*, *Schemoth*, par. VIII,—у *Вобера*, ss. 358—359).

токъ—совершенно неудачныхъ. Мы избѣжимъ всѣхъ недостатковъ существующихъ пониманій изучаемой рѣчи и для насъ не останется непонятною ни одна черта въ воспроизводимыхъ священнымъ ораторомъ историческихъ образахъ только въ томъ случаѣ, если задачу рѣчи мы будемъ полагать въ желаніи оратора показать іудеямъ, что тѣ факты, о которыхъ онъ проповѣдывалъ, предсказаны и прообразованы всею прошлою исторіей Израиля,—отъ Авраама и до Христа.

Пониманіе рѣчи св. Стефана, признаваемое нами единственно правильнымъ, т. е. съ точки зрѣнія „типическаго пророчества“, не чуждо исторіи ея толкованія. Первый извѣстный намъ ея толкователь изъяснялъ ее именно съ этой точки зрѣнія. Это—св. Іоаннъ Златоустъ, единственный изъ святыхъ отцовъ, оставившій намъ толкованія на книгу Дѣяній. Въ своихъ „бесѣдахъ“ на эту книгу златоустый отецъ воспроизводимые въ рѣчи Стефана факты толкуетъ въ смыслѣ прообразовательномъ. Но раскрытіе мыслей рѣчи и опредѣленіе ея задачи и идеи у св. Іоанна Златоуста стоитъ на второмъ планѣ,—онъ всюду имѣетъ въ виду главнымъ образомъ назиданіе своихъ слушателей и останавливается преимущественно на общихъ догматическихъ положеніяхъ рѣчи и на урокахъ нравственности, какіе можно извлечь изъ нея. Оттого его толкованіе рѣчи въ интересующемъ насъ отношеніи, хотя и ведется въ типологическомъ смыслѣ, не отличается законченностію и цѣльностію. Св. отецъ толкуетъ не столько рѣчь, сколько отдѣльные ея стихи.

И въ повѣйшее время (XIX в.) типологическая точка зрѣнія при истолкованіи рѣчи или предносилась сознанію толкователей или прямо сознавалась ими. Предносилась она сознанію громаднаго большинства изслѣдователей рѣчи. То тотъ, то другой историческій образъ оратора толкуется ими въ смыслѣ типа ¹⁾. Но впервые послѣдовательно провелъ въ

¹⁾ Изъ изслѣдователей, болѣе сознательно усматривающихъ въ рѣчи типологическую точку зрѣнія въ качествѣ побочной, достойны вниманія двое: Люгеръ и Кнабенбауеръ. Первый въ специальномъ изслѣдованіи „О цѣли, содержаніи и свойствахъ рѣчи Стефана“ (Über Zweck, Inhalt und Eigentümlichkeiten der Rede des Stephanus, 1838), открываетъ въ рѣчи три момента. Ораторъ, думаетъ онъ, хотѣлъ сказать слушателямъ, что во-первыхъ, законъ—божественъ, но не есть ни первое, ни послѣд-

толкованіи изучаемой рѣчи типологическій принципъ извѣстный изслѣдователю кн. Дѣяній К. Шмидтъ ¹⁾. Правда, толкованіе Шмидта не чуждо недостатковъ, и, какъ увидимъ,—нема-то-

нее и высшее откровеніе Божіе; во-вторыхъ, что храмъ — божественъ и святъ, но не есть ни первое, ни послѣднее и высшее мѣсто откровенія Божія; наконецъ, въ третьихъ, что не онъ, Стефанъ, а Израиль всегда беззаконствуетъ противъ закона и храма. Но, сознавая, что съ этихъ точекъ зрѣнія нельзя исчерпать всего содержанія рѣчи, Люгеръ почувствовалъ себя вынужденнымъ разсмотрѣть ее еще и съ типологической точки зрѣнія, подведя подъ послѣднюю „множество мелкихъ, повидимому лишенныхъ значенія, побочныхъ обстоятельствъ, упоминаніе о которыхъ не было необходимо для указанныхъ трехъ главныхъ цѣлей (рѣчи), а также для веденія историческаго разказа“. Взматриваясь въ эти „побочныя обстоятельства“, Люгеръ приходитъ къ выводу, что у оратора было намѣреніе представить своимъ слушателямъ весьма важную черту ветхозавѣтнаго откровенія, по которой это откровеніе не есть что нибудь неподвижное, абсолютное, законченное, но постоянно развивается и состоитъ въ возстановленіи начатаго, такъ сказать—повторяется. Другими словами, ораторъ, по Люгеру, хотѣлъ сказать, что Евангеліе не противорѣчитъ закону и храму, упраздняя второй и измѣняя первый, такъ какъ въ исторіи Израіля есть типическія указанія на замѣну закона и храма Евангеліемъ. Иезуитъ Кнабенбауеръ (*Cursus Scripturae Sacrae auctoribus Cornely, Knabenbauer, Hummelauer aliisque Soc. Iesu presbyteris, Commentarius in Actus Apostolorum auctore I. Knabenbauer, 1899*), послѣдній комментаторъ книги Дѣяній, толкуетъ все историческое содержаніе рѣчи св. Стефана не въ типологическомъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе, желаніе оратора подтвердить новозавѣтные факты событіями изъ ветхаго завѣта, какъ типами, для него несомнѣно. Къ Дѣян. VII, 12 онъ замѣчаетъ: „итакъ, тотъ, которому была оказана величайшая несправедливость (т. е. Иосифъ)—виновникъ спасенія: кого отвергли, тотъ возвысился и, возвышенный славою, спасъ и обогатилъ (ditavit) ихъ (братьевъ)! Не большое-ли пѣкоторое сходство (съ этимъ) имѣется въ Иисусъ?“ (pag. 125). Къ VII, 21: „тѣмъ сохранены были (израильтяне), кого хотѣли погубить: это случилось съ Иосифомъ, и тоже подобнымъ образомъ съ Моисеемъ; и вотъ, тоже—съ Иисусомъ“ (р. 129). Къ VII, 25: „итакъ, когда теперь Моисей, мужъ, воспитанный въ царскомъ дворцѣ, принимаетъ на себя заботу о нихъ (израильтянахъ) и наказываетъ (египтянина) за причиненныя обиды, то (очевидно отсюда) онъ былъ годнымъ къ тому, чтобы Богъ послалъ его имъ въ избавителя. Вотъ (и сейчасъ) пришло мессіанское чаяніе; знаменія мессіанскихъ временъ были и есть у нихъ (іудеевъ) весьма ясныя (ср. Лк. XII, 56); но опять они не понимаютъ, кто—истинный избавитель!“ (р. 130) и т. д.

¹⁾ Въ статьѣ: *Die Rede des Stephanus*, помѣщенной въ журналъ *Bevies des Glaubens*, 1892, ss. 69—86.

важныхъ, заставляющихъ признать его въ общемъ—неправильнымъ, но противъ общаго взгляда на рѣчь, противъ способа примѣненія къ ея истолкованію типологическаго принципа нельзя ничего возразить. Познакомимся поближе съ этимъ опытомъ истолкованія рѣчи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

К. Орловъ.
